

ИРИНА СТЕПАНОВСКАЯ

ВЕЧЕР С КАЛЛИОПОЙ

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ
ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

18+

Ирина Степановская

Вечер с Каллиопой

<https://litres.ru/73505556>

SelfPub; 2026

Аннотация

В читальном зале обычной библиотеки собираются писатели на свой ежемесячный семинар. Такое бывает: приходят люди, читают вслух свои произведения, и тут же собраты по перу их критикуют. И в этот раз все прошло бы, как всегда, если бы в читальном зале случайно не оказались три новых персонажа: журналист из газеты, аспирант-биофизик с неким таинственным прибором и... муза литературы Каллиопа.

Становятся ли люди более счастливыми, став писателями? Вопрос не праздный, ведь пишущих людей сейчас едва ли не больше, чем читающих. Ответ на него каждый найдет по душе в этой местами фантастической, забавной, иногда грустной, но правдивой истории.

Ирина Степановская

Вечер с Каллиопой

Любое сходство в ситуациях, именах, фамилиях и внешности героев следует считать случайным совпадением.

«Не всё то ложиво, что невероятно». Данте

Часть первая. Каллиопе скучно

Не помню, кто вывел теорию, что жизнь движется по спирали. Возможно, это и правда, но мне больше нравится теория замкнутых колец. Я себе это так представляю. Жизнь состоит из множества нелинейных циклов, и если ты сделал что-то — написал ли роман, съел ли бутерброд, и дело свое закончил, значит цикл замкнулся и можно переходить к следующему. Глупо думать и переживать о том, что бутерброд мог

быть вкуснее, а роман глубже. Что сделано, то сделано. Прожито, переварено, заспано. Утро должно быть мудренее, но это будет утро другого кольца. Или дня, как говорила Скарлетт О'Хара. И жалеть тут не о чем, хотя я знаю, что многие люди жалеют. И часто сожаления и бесконечный возврат по кругу это и есть бо́льшая часть существования многих людей. А уж как жалеют писатели о своих произведениях! Этот кусок надо было бы подчеркнуть, там углубить, в том месте прояснить, а последний абзац выкинуть вообще, думают они. Настоящий ад разверзается при попытках дать правильное название произведению. Смотрит потом писатель на обложку и думает: какой же я дурак. Как я не предвидел, не понял, не посоветовался, не послушался... Или, наоборот, посоветовался и послушался, а зачем? Вот и я тоже к таким писателям совершенно случайно принадлежу.

Глава 1. Санитарный день

Пожалуй, мне лучше начать с начала, хотя «начать с начала» – не есть признак хорошей литературы. Но я уже продвигу вопрос: а что считать хорошей литературой?

Наш писательский кружок, и я в нем как бы тоже, состоит при районной библиотеке. Не знаю, полагаются ли библиотеке за нас какие-то преференции, но раз в месяц с ведома местного начальства группа писателей приходит вечером в читальный зал и занимается в нем самоистязанием. Это означает, что писатели читают вслух свои произведения

и обсуждают их, не щадя ни самолюбия, ни живота. Такое вообще-то сейчас встречается не часто. В большинстве современных писательских сообществ принято друг друга хвалить, аплодировать и обзывать друг друга гениями, но здесь не так. Спорят до хрипоты, будто от того, какой будет употреблен предлог или вызывает ли финал, страшно сказать, катарсис, зависит весь мировой порядок. И некоторое время назад писатели на одном из семинаров, в состоянии лайт, то есть легкого (а может и не легкого) подпития решили, что у этого места должен быть кто-то, кто будет их вдохновлять и защищать. Они же не знали, что я уже их защищаю. Собственно, с этой миссией я и была сюда послана. Просто случая показать свои возможности пока не представилось.

– Защищать. От кого? – поинтересовался член сообщества, автор эзотерических текстов Кусачкин.

– От жизни, – мрачно уточнил умный Бор Котов, пишущий стихи для детей или, как теперь говорят, «для деток».

– Ну, тогда нужны музы, – сказал начитанный сказочник Оболенский. – Выбирайте. Или Каллиопа, или Талия. Каллиопа – дама серьезная, богиня эпической поэзии и вроде бы литературы в целом. Талия – девушка попроще. Ей подвластны комедия и лирические стихи. Еще есть Клио, Мельпомена и Терпсихора, но они по специальности не подходят.

– «Calliope»... – задумчиво нахмурилась красавица Люся. – Это бренд такой. Итальянский кажется. Одежды вроде бы как. У меня на работе реклама висит.

– Каллиопа... – прочитал в своем телефоне Кусачкин. – ...музыкальный инструмент. На нем в средние века играли на ярмарках и в цирке.

– Вот. – Заявил Бор. – Цирк мне подходит. Я в цирке часто бываю.

– Ты что, – сказал Кусачкин, – хочешь, чтобы наши высоко интеллектуальные заседания превратились в цирк?

Все промолчали.

– Классическая поэзия вообще сейчас не в тренде, – молвила Люся. – К тому же, я вспомнила, «Calliope» туфли тоже продает.

– При чем тут туфли и классическая поэзия?! Опошлять все-таки не надо! – сказала еще одна писательница, по профессии учительница, и с осуждением посмотрела на Люсю. Екатерина писала детективы в английском стиле под псевдонимом Агата Крестовская, но в нашем сообществе спокойно откликалась на просто Катю.

– А салат «Цезарь»? – спросил Кусачкин. – Мне он нравится.

– Да ну вас! – отмахнулась Катя и тоже заглянула в интернет. – Каллиопа – дочка Зевса и Мнемозины. Мнемозина – богини памяти. – Катя подняла голову от телефона. – Память вещь опасная. Когда у меня мамышки сидят в классе на собрании, все помнят, ничего не забывают и постоянно напоминают о каких-нибудь промахах, как будто сами святые... То еще развлечение, я вам скажу.

– А ничего не помнить лучше, что ли? – поинтересовался Бор.

– Не скажу, что лучше, – поджала губы учительница. – Но гадости прощать я не умею! – И, снова углубившись в Википедию, всех просветила. – У Каллиопы восемь сестер, все музы. Сама она – старшенькая. Когда подросла, завела кучу любовников. Сын Орфей неизвестно от кого. – И она опять посмотрела на всех выразительно. – Надо хорошо думать, прежде чем кого-то в защитники выбирать.

– А Талия звучит двусмысленно, – обвел всех задумчивым взглядом админ нашего сообщества Никита, мужчина разведенный, приятный, но в последнее время постоянно чем-то опечаленный. – Талия и талия. Что имеется в виду непонятно. – И он показал на свой живот вполне еще упругий и не толстый.

Все опять помолчали.

– А вообще, почему именно женщины? – нашелся Бор. – Вон, на полке стоит бюст Платона. Почему бы ему не быть нашим покровителем?

– Муза и покровитель – не одно и то же, – робко высказалась Олечка, нежная поэтесса. – Особенно, если покровитель – мужчина.

– Я, в принципе, согласен на Платона, – сказал Оболенский. – Но тогда надо звать мыслителя Музом. Он же не туалет, чтобы быть гендерно нейтральным.

– Не возражаю, – сказал Бор, который сам Платона и пред-

ложил. – Только Платону тогда надо венок надеть. Чтобы все знали, что он – Муз.

– Я могу сделать, – скромно сказала Олечка. – Из лаврушки.

Никто не догадывался, что я, никому не видимая, давно уже живу в голове Платона. Вообще-то, когда меня сюда послали, я с полной уверенностью думала, что мне в этой библиотеке предназначена роль Мировой Души. Ну, вы помните: люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, ...словом, вообще все жизни. И вот они угасли, и осталась только Мировая Душа на пустой Земле. Нет, вы не подумайте, Чехов – мой любимый русскоязычный автор, и, если что, я тоже с удовольствием бы завернулась в белую простыню, но... Вообще, что-то в этом есть, в наличии во вселенной Мировой души. Я так думаю, она объединяет тех, кто занимается искусством. Иначе зачем на Земле существуют люди, которые прямо-таки кушать не могут, дай только им положить жизнь на какое-нибудь из искусств? Большинству-то ведь ни денег, ни славы искусство не приносит.

Каллиопу я тут же вычислила без всякого интернета, и она мне понравилась. Гречанка, красивая, статная, со стилем в кулачке, с восковыми табличками под мышкой. Сразу видно – интеллектуалка. И вопреки решению писателей сделать Платона музом, я захотела стать Каллиопой, тем более что, если честно, уже смертельно скучала в этой библиотеке. Кроме как наблюдать за заседаниями писателей делать мне бы-

ло нечего, а тут еще посетители взяли моду залеплять жвачкой дырки, прорезанные в гипсовых глазах моего мыслителя, тем самым замуровывая меня в его пустой, равнодушно белой голове словно в смиренной комнате. И я прямо бесилась от нетерпения, пока библиотекарька, охая и матерясь, заметит и соскребет это нахальное проявление вандализма, и тогда я смогу вылететь наружу хотя бы погулять. Я, знаете ли, вообще люблю открытые дороги во внешний мир. Это ведь успокаивает, когда ты знаешь: выход есть.

Но все это было уже несколько месяцев назад, да и в этот раз ничего плохого не предвещало, но неожиданно накануне очередной встречи писателей на столе заведующей библиотекой появилась цветная рекламка: «Морим крыс, клопов, тараканов». И с утра на закрытых дверях библиотеки вывесили табличку «Санитарный день». Собственно, с этой таблички все и началось.

Админ Никита узнал о санитарном дне практически в последнюю минуту. Отменить заседание? Перенести? Никита решил позвонить Бору.

Бор уточнил:

– А травили с утра или будут вечером?

– Кажется, с утра.

– Можем открыть форточки, – сказал Бор. – Я надену под пиджак теплую жилетку.

– Хорошо, – ответил Никита. Он был человеком кротким, но с твердым характером. – Тогда я не буду больше никому

звонить.

– Не звони, – сочно протрубил Бор.

Бор и Никита были знакомы со времен учебы в Литинституте. Это было в то, относительно недавнее еще время, когда Литинститут был нужен, чтобы дать студентам ни с чем не сравнимое ощущение причастности к высокой литературе, а некоторым еще и твердое нежелание поступаться литературными принципами. Ни Никита, ни Бор этими принципами, насколько я знаю, не поступались, и в половине седьмого вечера Никита открыл входную дверь библиотеки ключом, который ему принадлежал, как лицу почти официальному и очень близкому к высокой литературе.

Глава 2. Чистилище

Он вошел в небольшой, темный холл и включил свет – пару потрепанных бра по обеим сторонам огромного старого зеркала в деревянной раме. Табличку «санитарный день» он снял и зацепил за металлический рог одного из бра. В этом был весь Никита. Он не мог небрежно бросить табличку, скажем, на обшарпанный подзеркальник того же зеркала. Тем более он не мог её зашвырнуть куда-нибудь на подоконник. Замечательно соответствующий своему облику (спокойный взгляд, негромкий голос), Никита интуитивно должен был повесить табличку так, чтобы она не потерялась, не помялась и не испачкалась, и объясняла, почему в помещении так воняет. Естественно, что и книги, которые Никита брал в этой

самой библиотеке с раннего детства, он не мял, не изрисовывал и не заляпывал пятнами. А между прочим, сжевать пару жирных пирожков за чтением интересной книжки – удовольствие, понятное многим. Однако Никита никогда над книгами, как своими, так и чужими, ничего не жевал, а если и позволял себе что-нибудь за чтением, так только чашечку кофе или бокал хорошего винца.

Хорошо, что музы не придают значения запахам. Видимо, среди горного воздуха, аромата речных и морских просторов, среди которых они обитают, запахи не играют большой роли, во всяком случае, в античной литературе о запахах ни слова. Но Никита стал раздеваться, вспоминая не античную литературу, а занятия в противогазах на военной кафедре одного технического вуза, который он окончил до начала своей жертвенной любви к литературе. Тут входная дверь снова открылась, и на пороге показался молодой человек в длинном черном пальто.

– Привет, па, – сказал молодой человек и внес с собой небольшой, но ёмкий чемоданчик. Он легко приобнял отца и поставил чемоданчик на пол.

– Как мама? – спросил Никита.

– Норм, – ответил сын. – Сегодня собиралась в парикмахерскую. – И добавил:

– Вообще-то, воняет!

– В парикмахерскую? – как-то странно удивился Никита и с сомнением в голосе спросил:

– Миш, ты точно не передумал?

Молодой человек стянул с себя пальто. Под ним у него оказался белый свитер с красными молниями и черными черепами.

– Пап. – Миша бросил пальто на стоящий тут же в холле старый диван. – Зачем повторять одно и то же? Мне необходимо включить в свое исследование группу писателей. Если все пройдет хорошо, я смогу подогнать еще художников и артистов.

После этой таинственной фразы Миша проследовал с чемоданчиком в большой зал, который служил для посетителей читальней и прибежищем для меня и Платона, а Никита, пожав плечами, снова повторил: «В парикмахерскую...» Он хотел еще что-то спросить, но входная дверь снова открылась, и в холл вошел человек с военной выправкой и со старинной кожаной сумкой через плечо – выдавшим виды военным планшетом.

– Здесь будет заседание писателей? – спросил он и тут же подал руку для знакомства.

– Полыхайкин.

Рука у Полыхайкина была уверенная, а лицо морщинистое, загорелое и твердое, не оставляющее сомнений, что если этот человек решил стать писателем, то он этого добьется.

– Вы в первый раз? – спросил Никита, пожимая руку. – Не обращайтесь внимания на запах.

– Запах? – удивился Полыхайкин. – Я – начальник пожар-

но-спасательного отряда. Чую только запах дыма. – Он поднял голову и принюхался. – Задымления нет. – Полыхайкин четким шагом проследовал в зал, где Миша уже снимал со столов опрокинутые на них стулья. Полыхайкин перевернул стул для себя, занял место в центре длинного стола для заседаний, достал из планшета и положил перед собой папку с бумагами. Ветерок из открытой Мишей форточки пошевелил уголки исписанных страниц.

Никита вошел следом и стал помогать Мише расставлять стулья. Ему ужасно хотелось спросить у сына, что же сделала с собой в парикмахерской его мать, бывшая жена Никиты, но Полыхайкин сидел с видом одновременно напряженным и неприступным, и админ переключился на гостя.

– Вы записывались читать? Присылали мне сообщение на почту?

– Не присылал. – С достоинством ответил Полыхайкин. – Я вообще не пользуюсь электроникой. Не доверяю. Я и произведения свои пишу от руки, – и он показал кипку исписанных мелким почерком листков.

– Чего ж так? – спросил Миша, снимая со стола библиотекарки последний стул, – Благодаря электронным носителям весь мир теперь уместается в крошечную коробочку.

– Вот-вот! – Подтвердил Полыхайкин. – Случай-то, молодой человек, разные бывают. Вскроет кто-нибудь эту коробочку, да и напечатает мой роман под своей фамилией. Или фильм снимет! Шариковой ручкой спокойнее.

А Никита тем временем уселся за стол и перебирал варианты: покрасилась, подстриглась, поправила маникюр? А если все сразу? Плохо это или хорошо? Что означают такие перемены?

Читальный зал был замечателен уже тем, что начальство не возражало, если писатели приносили с собой «попить чаю», и в конце заседаний сухое деловое обсуждение плавно переходило в неформальное, но без свинячества и хулиганства. После их ухода не оставалось никаких следов, за этим пристально следили так называемые «девушки» – тоже члены этой секты. В остальном здесь было обычно: два окна, посередине широкий стол для заседаний, несколько столиков по бокам, полки с книжными новинками, закуток библиотечного работника с компьютером и старинный ящик для каталога на одном из подоконников. За отсутствием в нем карточек ящик был наполнен смятыми салфетками и яблочными огрызками. Кто их туда совал в пустом обычно зале мне не удавалось подсмотреть. Простенок между окнами украшала гитара, висящая на зеленой шелковой ленте с бантом. При взгляде на неё приходили на ум обои в цветочек, пышные плюшки с марципаном, чай из самовара и напыженные бриолином волосы с четким пробором. В присутствии этой гитары хотелось взять в библиотеке Зоценко.

Из прорезанных глаз на гипсовом лице Платона мне были отлично видны не только весь зал, но и коридор с диваном, бра, зеркало, вешалка и даже две двери в уборные. Пока я

все это оглядывала, послышалось томное контральто.

– Не опоздала?

– Люся, ты вовремя всегда. – Никита приподнялся, как истинный джентльмен, призрак из парикмахерской на время исчез. Полыхайкин и Миша посмотрели на вошедшую. Свое ярко фиолетовое пальто она не оставила в холле, а бережно внесла на руке, как временно приспущенный флаг собственного королевства.

Красавица Люся была автором трагической «женской» прозы, полной романтизма и меланхолии. Её героини были сплошь жертвами абьюза: равнодушные матери, жестокие и властные отцы, глупые коммунистические бабушки, вороватые любовники и изменщики мужа никак не давали Люсиным героиням забыть их утраченное детство, искалеченную юность и обрести хоть какое-то подобие счастья в зрелом возрасте.

– Запах какой-то трупный, – заметила Люся, усаживаясь и поправляя на шее крупные бусы из разноцветных камней. – «Смерть под парусом» постаралась?

Как я заметила, женщины гораздо меньше ревнуют к любовникам, чем к своим более успешным деловым конкуренткам. «Смертью под парусом» Люся называла свою давнюю соперницу, ненавистную сочинительницу «зарубежных» детективов Агату Крестовскую, которую в самом начале нашего повествования я представила просто, как учительницу Катю. Ту самую, которая сказала, что она не может забыть и

простить гадости. Если число читателей теперь принято выражать буквой к (не знаю, почему), то число читателей Люси выражалось девятью с половиной тысячами к, а число читателей Кати чуть перевалило за десять тысяч. Разница вообще не явная и не катастрофическая, однако ревность не давала Люсе не только спокойно видеть Катю, но даже думать о ней.

– Катя еще вообще пока не пришла, – миролюбиво сказал Никита, взглянув на часы.

– Тогда чем тут воняет?

– Ядом, – заметил Миша и стал доставать из своего чемоданчика провода.

Люся, оценив Мишину реплику, встала, подошла к гитаре, сняла её с гвоздя, взяла сочный аккорд и повесила инструмент на место. После чего вернулась, достала очки в шестиугольной оправе, напялила их и стала разглядывать Полыхайкина.

Потом пришли Оболенский и Бор. Мне было видно, как Бор щелкнул ногтем по табличке, свисающей с бра, и сказал:

– Санитарный день – это же Чистилище. Данте в районной библиотеке, – и пошел в зал, одергивая шерстяную зелененькую жилетку на своем уютном теле. Таким уютным и большим, что большинству дам всегда хотелось к нему приклониться. Между прочим, не знаю почему, но многие писатели-мужчины обладают высоким ростом и пышным телом. Я так думаю, мысли у них в голове не помещаются и часто заполняют собой другие части организма.

Оболенский же, обладающий взрывным характером сангвиника и к тому же раздраженный мерцающей, странно пахнущей дымкой мелкой взвеси, летающей в воздухе, сдернул повешенную Никитой табличку и швырнул ее в кресло. Вместо таблички он водрузил на рог свою серую твидовую куртку, а сверху припечатал твидовой шляпой-горшком с мягкими полями. Зачем он это сделал мне было непонятно, потому что в холле стояла специальная вешалка о четырех ногах, и она была совершенно свободна, но кто поймет поступки писателя-сказочника?

С массивной головой в волнистом ореоле седеющих волос, с умным, но бешеным взглядом, с розовыми пятнами ранней гипертонии на щеках, Оболенский был похож на персонажа раннего кватроченто, какого-нибудь властного дожа или герцога. Входя, он сделал крупной ладонью «Всем привет!», шумно придвинул стул и опустился на него рядом с Никитой.

Следом за ними с улицы вбежала Олечка в сиянии светло пепельных волос и стала стряхивать влажные капли с голубой вязаной шапочки перед зеркалом в холле. А когда она стала рыться в сумке в поисках голубой расчески, вошел еще один персонаж – Сергей. Посмотрев на Олечкину спину и на её личико сердечком, отраженное в зеркале, он спросил:

– А точно сегодня будет заседание? – И подняв к потолку вытянутый уточкой нос уточнил:

– Точно. Уже смердит.

Олечка не стала доставать расческу. Ее когда-то научили, что причесываться в присутствии посторонних людей неприлично.

– Ну, что вы, – сказала она и показала на табличку, – Это же санитарный день, – и добавила, с интересом посмотрев на Сергея.

– Мне кажется, я вас раньше здесь не встречала.

– А я сюда редко хожу. Боюсь, сожрут. – На его бледном вытянутом лице с претензией на «англичаность» появилось нечто вроде улыбки непонятного содержания. То ли гадость он хотел выразить своей улыбочкой, то ли, наоборот, респект.

– Ой уж, скажете тоже! – Олечка умела пользоваться пронзительной голубизной своих глаз. Она включила их, как морские пограничники включают ночью прожектора над пенистой гладью, и ловко подхватила Сергея под руку. – Пойдемте!

И тут в библиотечный холл вошла еще одна пара. Впрочем, пара, было бы сказать не совсем правильно. Дверь открылась, и в её проеме сначала показалась невысокая женщина, вся еще очень хорошенькая от фетровой шапочки до коричневых аккуратных ботинок. Это была Катя. Строгая серьезность её озабоченного лица вполне сочеталась с одеждой: пестрым шелковым шарфиком на шее, костюмчиком с карманами, средней высоты каблучками. Так школьные учительницы средних лет часто выглядят похожими на героинь

Агаты Кристи, проживающих в сельской английской местности. Те же не яркие жакеты, шарфики, нитки поддельных жемчугов – попробуй угадай, кто из этих дам окажется убийцей. Что-то мне подсказывало, что этот стиль Кате нравился.

Она задержалась в дверном проеме, придерживая перед кем-то дверь. И этот кто-то не преминул протиснуться внутрь. Шуба! То ли из волка, то ли из енота придавала вошедшему так ценимую им экстравагантность, которая ещё многократно была усилена тростью с набалдашником, дымчатыми круглыми очками и длинным оранжевым шарфом, намотанным на шею.

– Давайте, Виталий, я повешу вашу верхнюю одежду, – по-учительски сказала Катя, но Виталий раздеваться не захотел, а только расстегнулся, и прямо в шубе вальяжно шагнул в читальный зал. Оранжевый шарф он тоже не снял, а только растянул вокруг шеи. Мест вокруг стола оставалось не так уж много, Катя потянула пришедшего на свободное, однако тот, кого называли Виталием, с размаху и вроде бы со слепу, хлопнулся на колени к Люсе.

– Кусачкин, ты с ума сошел?! – воскликнула та и как следует пихнула пришедшего в меховую спину. Стукнув его для верности еще пару раз и с трудом удержавшись от пинка, она добилась, чтобы он с оханьем и ворчанием: «Зачем же сразу бить?» довольно ловко пересел на стул, подставленный Катей. Усевшись, он обнажил под мехами цветастую рубашку на блестящих пуговичках и положил перед собой на стол бе-

лые, пухлые руки. – Начнем? – сказал он. – А то опять допоздна засидимся. У меня мама будет волноваться.

Никита взглянул на часы. – Еще пять минут.

Оболенский, ни к кому не обращаясь, заметил:

– Жена вчера робот пылесос купила. Теперь, говорит, ты дома совсем не нужен. Мусор, говорит, могу и сама, если что, выносить. – Несмотря на свою подавляющую других внешность, почему-то он часто думал, что его аристократическая фамилия Оболенский содержит явный намек на боль.

– Если ты ей больше не нужен, – сказал Бор, до этого явно скучавший, – может, на Первое мая устроим поход на байдарках? Пойдешь?

– Дожить еще нужно до Первого мая, – неопределенно промычал Оболенский.

Эти слова заглушила поступь еще одного вошедшего, которого все присутствующие называли просто по жанру, в котором он работал. Юморист вошел с пасмурным лицом и, как всегда, весь в черном. В черной ковбойской шляпе, в кожаном плаще, тяжелых ботинках с металлическими заклепками и в черных же кожаных перчатках. В противовес своей мрачной наружности, Юморист писал очень смешные рассказы, но терпеть не мог, если кто-то считал его человеком легкомысленным и на наших заседаниях не скупился на резкие, хоть и справедливые, замечания. Все естественно знали его фамилию и имя, но чаще всего называли просто Юмористом. Однажды он сказал, что, если бы у него была собака,

он бы назвал ее «ЮСМЖ».

– А что это означает? – спросила тогда Олечка.

– Юмор – Спасение Моей Жизни, – веско сказал Юморист.

– Не выговоришь быстро, когда надо, – у Оболенского было по жизни несколько собак, и он считался знатоком. – И сократить невозможно. Все равно будешь звать или Юлька, или Сучка, или Мушка или Жулька.

– Вообще не смешно, – с неодобрением высказался Кусачкин.

– ЮСМЖ мужское имя, – заметила Люся. – А если бы собака была сукой?

– Звали же Карениным собаку-суку в «Невыносимой легкости бытия»? – привел аргумент хорошо знающий серьезную литературу Юморист.

Тем не менее, насколько мы были в курсе, собаки у него до сих пор не было.

Так вот, Юморист вошел и спросил:

– В библиотеке столовую открыли?

– Почему? – спросила Олечка.

– Щами с очень квашеной капустой пахнет. Аппетитно.

– Не смешно, – заявил Кусачкин.

– А я не обязан всех все время смешить, – мрачно сказал Юморист. – Я вообще на минутку. Мне тут книжечку одну обещали оставить, – он поискал глазами и нашел. – Вот. «Основы тригонометрии». Люблю такое на ночь почитать. –

И он засунул книжечку за пазуху под изумленным взглядом Олечки. — А вы тут все перетравитесь, — он опять потянул носом воздух. — Насмерть. Как пить дать.

Оболенский сказал:

— Насчет пить, у меня с собой. — И щелкнул по карману.

— Не могу. Мне в поликлинику надо, — Юморист с сожалением направился к выходу, но случайно взглянув на Олечку, остановился.

— Да не волнуйся ты так. Книжка для сына. Он у меня в десятом классе. Я пошутил. — Олечка покраснела, а Люся показала на свою сумку:

— Я пироги принесла!

А Олечка, справившись со смущением, достала коробку конфет и содрала с неё целлофановую обертку и сказала всем:

— Угощайтесь!

Юморист вернулся, но садиться не стал. Никита опять взглянул на часы.

— Пожалуй, начнем. Но прежде, чем слушать первое произведение, я хочу представить всем моего сына Мишу, аспиранта биофака.

Миша встал и поклонился, как артист перед выступлением.

— Господа! Я прошу помочь мне набрать данные для моей исследовательской работы.

И Олечка, которая уже давно заметила Мишу, но пока не

могла решить, кто ей нравится больше, Миша или Сергей, подняла, как в школе, руку и сказала тоненьким голоском:

– Кровь надо сдать? Я готова.

Бор Котов, который уже съел одну конфету и потянулся за второй, рассудительно произнес:

– А нам нельзя кровь сдавать. Кровь сдают натошак.

На что Юморист заметил:

– Натощак – это про меня. Я вообще ничего не ел. С утра в поликлинике анализы сдавал, и вот до сих пор... – И тоже взял конфету.

– Как человек, имеющий диплом о высшем медицинском образовании, – высказался Оболенский, – ответственно заявляю, что натощак конфеты есть вредно. Жуткий удар по поджелудочной железе. Может окончиться летальным исходом.

– Да ты что? – тут же при этих словах выгреб из коробки три последние конфеты Кусачкин. – Тогда мне можно. Я недавно обедал.

Кате не досталось ни одной, а Люся конфеты проигнорировала. Миша, который наблюдал за всем с тревожным видом, решил продолжать.

– Господа! – воззвал он. – Мне не нужна ваша кровь! Мне нужны ваши пальцы. Надо вставить руку в этот прибор, – и он показал на закрытое черной тканью отверстие в середине, – и подержать там две секунды. Всё!

– Ну-у-у... – сделал разочарованный вид Бор. – Без крови

не интересно. Какой же это эксперимент, если без крови?

– Это что, Уста Истины?^[1] – поинтересовался много путешествуящий Сергей.

– А что будет-то, если руку туда засунуть? – по-деловому отозвался Юморист. Миша посмотрел на него, соображая, имеет ли смысл в такой компании пускаться в объяснения, но все-таки решился.

Глава 3. Дар

– Эта штука – газоразрядная камера, в неё подается электрический ток, – Миша показал на шнур, ведущий к обычной электрической розетке.

– Так он нас током собрался пытаться? – удивилась Люся.

– Если камера газоразрядная, – посмотрел на неё Бор, – значит, не током, а газом. Я всегда говорил, история повторяется. С газовыми камерами тоже.

– Господа, ну дослушайте уж, если спросили! – Миша повысил голос. – Я засовываю в камеру руку, под влиянием электричества в камере возникает разряд...

– Электричество! Что я говорила?

Миша поморщился.

– ...в результате разряда, энергия, которая есть в пальцах, преобразуется в электромагнитный импульс, а импульс уже проявляется свечением. Это называется эффектом Киллиана. – Все слушали внимательно, один Полыхайкин завел глаза к потолку. – С помощью специальной программы свече-

ние выводится на носитель. — Миша навел на свободный кусок стены луч, как в кинотеатре, и на стене появился контур головы человека с разноцветными всполохами вокруг.

— Можно и так! — Он нажал на кнопку, и из прибора вылетел бумажный листок с изображением таких же всполохов, как на стене.

— Хм, — сказала Люся.

— Святиящийся нимб, — прокомментировал Сергей.

— Нимбы вообще-то над головами, а не вокруг, — заметил Бор. Это ж греки придумали статуям своих богов головы прикрывать от дождя такими набалдашниками вроде плоских круглых щитов. Как большие тарелки. Заодно, чтоб и птички на бошки не какали. Не надо отчищать. Разумно. Вот щиты-то и называли «нимбос».

— Ни фиги! — Сказал Кусачкин, снова заглянув в Википедию. — Нимбос — это облако. Древние люди думали, что Боги живут среди облаков, а когда сходят на землю, то тела их светятся.

— Не тела, а головы, — уточнила Люся. — Ты, Кусачкин, если берешься читать, так читай, а не выдумывай.

— Как ты строга ко мне, Люся, — проныл Кусачкин.

— А зачем это всё? — спросил Юморист.

Миша вздохнул, набирая в грудь воздух, как пред прыжком в холодную воду и сказал вроде бы безразличным тоном. — Если вы сдадите отпечатки пальцев, то сможете увидеть... какой у вас... ДАР.

При этих словах Никита, который до этого спокойно пил из бутылочки воду, поперхнулся. – Ты что? – шепотом спросил он Мишу. – Ты же просто хотел сравнить свечение у работников разного вида труда.

– А я не знаю, как их еще заинтересовать, – Миша мрачно посмотрел на отца.

Наступило молчание.

– ДАР? – наконец переспросила Люся.

– Ты что это удумал? – вдруг строго спросил Оболенский. На правах старого Никитинового знакомого он знал Мишу чуть не с пеленок. – А если вдруг получится, что мы тут вовсе и не писатели?

– Током долбанет, однозначно станешь, – предположил Бор.

– Как интересно! – хлопнула Олечка в ладоши.

Вообще к «своим» писателям я отношусь хорошо. Где-то я их даже люблю. Я понимаю, что они не титаны литературы, но все равно люди очень способные и большинство талантливые. А вот как раз к титанам я отношусь плохо. Титаны всегда готовы всех разорвать, а мои писатели – нет. Впрочем, кто знает?

Я собиралась представить на их семинаре свой почти законченный роман, но как-то засомневалась, надо ли это делать. Да и как его представить? Я, конечно, могу вложить его в чью-нибудь голову, но кто может поручиться, что Люся или Кусачкин, к примеру, не решат, что они это сами придумали?

мали? А мне, как всякой творческой сущности, свойственна ревность, как, впрочем, и вдохновение. Разве без вдохновения напишешь такое? «Этот секрет достался мне от прабабушки. В блендере взбить три яйца...». Я иногда заглядываю в модный женский журнал, который для себя выписывает библиотечка. «Салат из кальмаров, креветков и горбуши, сделанной под форель». Вот, не вру! Очевидно, существуют в природе какие-то темные силы, которые на такое вдохновляют. Забегая вперед, могу предположить, что они как раз и присутствовали в тот момент, когда все в этот вечер пошло не так, потому что я сразу почувствовала, как в зале сгустилось облако опасности. Так пар начинает клубиться над кастрюлей с закипающими макаронами.

– ДАР... – сказал Кусачкин. – Все не так просто. Если есть ДАР, кто будет его оценивать? Силу? Мощност?

– Ну, подождите, – сказал Никита. – Исследование пока прикидочное. Оно ничего не означает.

– А зачем тогда делать, если не означает? – спросил Юморист.

– Как это не означает? – Удивился Кусачкин. – Очень означает. Если опытным путем подтвердится, что у меня есть ДАР, я с этим ДАРОм могу пойти в любую редакцию журнала, в издательство...

– Вам лично ничего не надо подтверждать, – негромко сказала Кусачкину Катя. – Я совершенно не сомневаюсь, что у вас большой ДАР. – И краем глаза заметила, как почему-то

вдруг усмехнулась Люся.

– Но вообще-то за участие в эксперименте надо деньги платить, – сказал Сергей.

– За что же платить? Вы же здоровьем не рискуете? – удивился Миша.

– А ДАР и духовность – это одно и то же? – сказала Люся и достала из сумки губную помаду. – Я вот совершенно бездуховна. – И как бы компенсируя это обстоятельство аккуратно подмазала губы.

– Засунь руку в прибор, и все про себя и узнаешь, – поощрил её Никита.

– У голодного человека, каким я являюсь в настоящий момент, может вообще не быть ДАРА, – сказал Юморист. И заметив взгляд Бора, добавил.

– Вот не надо попрекать меня единственной съеденной сейчас конфеткой. – А про себя он подумал, что любое исследование, каким бы оно не было, может дать дополнительную информацию о состоянии его организма. Но весь вопрос в том, как к этому исследованию относиться? И как он может завести собаку, если совершенно неизвестно, сколько он сможет дальше прожить. А жене и сыну собака не нужна.

– Это лишний довод в пользу эксперимента, – заметил Никита. – Миша, имей в виду. Эксперимент можно расширить.

– А если все-таки у кого-то не окажется ДАРА? – спросил Оболенский и со значением посмотрел на Никиту.

– А если вдруг у кого-то окажется ВЕЛИКИЙ ДАР? –

улыбнулся тот в ответ.

Не принимал участие в разговоре Полыхайкин. Руки его автоматически перебирали листы, извлеченные из папки. Было видно, что человек собрался читать, а ему не дают, и он нервничает. Вся ситуация его напрягала, но Полыхайкин пока молчал, только крутил головой, а при последних словах Никиты вдруг громко икнул.

И тут в читальном зале появился последний персонаж из постоянного писательского сообщества – писатель-миниатюрист, если можно так назвать этот жанр, Игорь. Никто не заметил, как он вошел, потому что все обдумывали возникшие перспективы определения ДАРА.

Игорь был похож на миниатюры, которые он писал. От природы высокий и стройный он почему-то казался ниже, чем был, сутулым и полноватым. И это относилось и к его лицу – правильному, но не яркому. У Игоря была способность подмечать глубокое и смешное в самых обыденных, мелких вещах, он хорошо чувствовал характеры и понимал психологию героев, и с такой способностью он мог бы создавать прекрасные и объемные произведения, но он писал миниатюры. Я бы сравнила Игоря с полевым цветком, если бы сравнение не было затасканным, но на самом деле, гораздо больше, чем на цветок он был похож на задумчивого енота. Короче, мне нравился писатель-миниатюрист. И, как я понимала, он нравился и Люсе.

– Наконец-то! – сказала она, когда Игорь вошел, и убра-

ла свою сумку с поставленного рядом стула, чтобы он сел на него. Но Игорь не сел, а сходу стал выгружать на стол продукты. И делал он это очень аккуратно своими аккуратными небольшими руками, будто енот расчищает лапками вход перед норкой.

– Вот огурцы маринованные, – приговаривал он, – вот сало, вот хлеб. Люся сказала, что колбасу не надо. – Он свернул пустой пакет, и в комнате запахло едой по-домашнему. – Колбаску я купил в своем магазине, – Бор тоже достал из своего матерчатого шопера длинненький сверток, а Люся из своей модной сумки объемный пакет.

– Пироги с капустой и яйцами. Сама пекла.

Все сразу оживились и тоже стали доставать заманчиво пахнущие кульки, а я, чтобы разрядить атмосферу сильно подула из глаз Платона, и отвратительный запах ядохимикатов сполз ниже к полу и почти спрятался в щелях между ножками стола и под плинтусами. Кусачкин, который не принес ничего, решил, что это дует из форточки, встал и крепко её закрыл. Оболенский извлек из внутреннего кармана безразмерного пиджака большую квадратную бутылку с текилой, но взглянув на Никиту, убрал её обратно. А Миша с тоской подумал, что если с писателями все оказалось так непросто, то уж с художниками или с артистами вообще может выйти черт знает что. Эксперимент оказывался под вопросом.

Он повернулся к отцу. – Пап, у вас всегда так?

Никита пожал плечами и не нашел ничего лучшего, как

три раза призывно покашливать и постучать по прибору. Сразу же в голову ему влезла мысль, что Инна, так звали бывшую, обязательно скажет, что он такой никчемный по жизни, что даже в этой мелочи не помог сыну. Впрочем, постукивание по прибору сейчас действительно не возымело эффекта, и только Игорь, заметив Мишу и незнакомый агрегат, спросил:

– А это что такое?

И Оболенский, у которого ужасно болела голова и который в этот момент думал о том, правильно ли он убрал текилу назад, сказал:

– Пришел момент Истины. Если вокруг башки у тебя зацветится нимб, ты на минутку станешь Создателем. Ну, или утвердишься в этой мысли, как каждый писатель.

– А я, если хотите знать, – застенчиво сказала Олечка, – когда пишу песенку, всегда чувствую, будто создаю новый мир.

Я забыла упомянуть, что Олечка писала стихи и песни о том, как прекрасен этот мир.

Никита, почувствовав момент, слегка толкнул Мишу. «Включай!» Миша стал торопливо замыкать проводочки, нажимать на тумблеры. В просвете стены аккуратно между двумя окнами над гитарой снова появился контур головы человека, а вокруг него меняющееся свечение. Это было словно волосы вокруг головы Медузы Горгоны – роскошные волны синего, алого, золотого.

– Ух, ты! – сказал Игорь. – На инопланетянина похоже. А

почему свечение разного цвета?

– Не обращайтесь внимания, я просто аппарат настраиваю,
– буркнул Миша.

– А у меня – прическа, – застенчиво, но с достоинством
сказала Олечка. – Прическа не помешает?

– Надо ведь в дырку не голову совать, а только руку, как
я понял, – пояснил Бор.

– Пальцы, если быть точным, – так же мрачно сказал Миша.
– На голову можете хоть шапку надеть.

– Шапка у меня на вешалке, – так же застенчиво сказала
Олечка.

– Если надо раздеться, я готов! – по-гусарски воскликнул
Кусачкин и повернулся к Люсе, привставая. – Люся, давай
я тебя раздену?

– Нет, зачем же раздеваться? – С недоумением спросила
Катя. В её детективах никто никогда не раздевался.

– Отстань, – вяло сказала Люся Кусачкину, а сама подумала:
«козел».

– Люся! – Кусачкин поднес к глазам руки, изображая, что
рассматривает Люсю в бинокль. – У тебя же громадный творческий
потенциал! И спереди, и сзади.

– Заткните этого идиота! – сказала Люся, обращаясь неизвестно
к кому. И додумала: «с ним больше – никогда». Игорь подошел и,
не меняя выражения грустного енота на лице, ласково нажал на
Кусачкина, чтобы тот сел.

– Ну, все готово! – Сказал Миша и вывел на стену контур

головы без свечения.

– И что, все будут видеть, у кого какой ДАР? – Спросил Оболенский. – Нельзя ли как-нибудь скрыть результаты? Как бы ничего эдакого не вышло. – Он спросил это не зря. Если у других в жизни все как-то проходило легко, то в его собственной жизни получалось, что «эдакое» в той или иной форме его всегда настигало.

– Нет, зачем же скрывать? – запротестовал Сергей. – Пусть скрывают те, кто в себе не уверен. Я – уверен.

– Я тоже уверен, – задумчиво пробасил Бор. – Но все же... Нет ли какого другого способа узнать ДАР?

– Легко, – вдруг неожиданно сказал Миша. – Не хотите на стене, ДАР можно получить в картинках. Тем более, что мне они нужны для протокола. Стену я могу отключить, а ДАР будет воспроизводиться на листках. Я уже заправил в принтер целую пачку бумаги. Диктуйте фамилии.

– Надо еще и фамилию? – удивился Юморист, а сам подумал, флегматично дожевывая бутерброд: вообще, зачем эти головы? Опять эксперименты? Хватило уже человечеству всех этих экспериментов на летучих мышах. Вот они, – он посмотрел исподлобья на коллег-писателей, – теперь уже и забыли про эпидемию, про дурацкие куар-коды, маски и перчатки, а брата мне не вернуть, и у меня у самого башка до сих пор плохо соображает. И половина волос повылезала, и обоняние никак не вернется. И собаку я боюсь заводить.

– Так ведь без фамилий эксперимент будет не действи-

телен! – Взмолился Миша. – А если надо будет повторить опять через несколько месяцев? И как я вообще докажу, что я у вас был?

– Ну, блин же! – Ругнулся Оболенский и тихонько отвинтил в кармане пробку от другой, специальной, маленькой бутылки с коньяком и, отвернувшись, сделал украдчивый глоток.

– Ну, в принципе... – задумчиво протянул Бор, который знал Никиту и Мишу столько же, сколько и Оболенского, – я-то ничего не боюсь. Пишите крупными буквами: детский писатель Бор Котов. Можете и книжки мои приложить, все шестьдесят штук.

Олечка тут же просияла:

– А дайте автограф! Я ведь вижу, у вас собой несколько книжечек, вон, выглядывают из мешочка.

– С удовольствием, – Бор вытащил пару симпатичных детских книжек и аккуратный карандашик, наподобие женского, для бровей с золотистым наконечником.

Он их у жены, наверное, тащит, подумал грустный-енот Игорь, но вслух ничего не сказал. Он был существом деликатным, задумчивым и пугливым, но после окончания университета по какой-то невнятной специальности вдруг решил сколотить свой бизнес. Для крупного бизнеса не хватало денег и связей, Игорь занялся мелким производством и продажей. Дело пошло, но как только он раскрутился, на него грубо «наехали». Игорь решил не сопротивляться. Он отдал

бизнес и все, что на нем заработал, уехал из того страшного места и занялся литературой. Логично он предположил, что вряд ли будет писательством зарабатывать столько, что это кого-то интересует, но зато хоть поживет спокойно. Скорее всего я буду просто беден. Зато без горячих утюгов и наручников, решил он. И хотя реально стричь с него уже было нечего, все-таки наш миниатюрист постоянно пребывал теперь в состоянии грусти и настороженности. Так лесные зверьки, при малейшем шорохе напрягаются, оглядываются по сторонам и беспокойно поводят ноздрями.

– Ты хочешь писать свою фамилию или нет? – спросила его Люся.

– Не хочу. Хотя, в принципе, я про себя все знаю, а что подумают другие, не так уж важно.

Работа по найму в одной скромной конторе худо-бедно позволяла ему зарабатывать на жизнь, но не было уже у Игоря прежнего удовольствия и мечт.

– А ты не боишься? – Люся внимательно на него посмотрела.

– Чего?

– А кто его знает, что это за прибор? Еще выяснится что-нибудь такое...

– Какое?

– Ну... – Люся немного задержала дыхание, – Про нас, например, с тобой.

– Не такое уж это великое знание, – Игорь вспомнил, как

его еще сравнительно недавно приковывали к батарее наручниками, и усмехнулся.

– Преуменьшаешь? – спросила Люся и отвернулась.

И тут в зале появился еще один человек – молодой и совершенно никому неизвестный.

Глава 4. Общество «Нацпис»

Молодой человек сделал несколько развязных шагов в центр комнаты и голосом человека, привыкшего перебивать, спросил:

– Общество «НАРЦИС» здесь? – Потом, засомневавшись, взглянул на экран своего телефона и, не смутившись, поправился. – Я хотел не это сказать. Общество «НАЦПИС» здесь заседает?

Все наше общество посмотрело на него с интересом.

– Мы просто писатели, – сказал Никита. – Мы здесь собираемся. И, кстати, кто это, нацпис?

– А это вы и есть, – развязно сказал молодой человек. – Это я вас так назвал – Национальные Писатели, сокращенно НАЦПИС. Чтоб интересней было. Вы же не будете возражать, если я вас так назову в своем интервью? Кстати, я из медиахолдинга «На скоростях». Фамилия Рогов. Приехал побеседовать с вами для нашей газеты.

Все прямо онемели.

– Вот! – Первой воскликнула Олечка. – Недаром я всегда мечтала об интервью.

– Дать? Или взять? – поинтересовался Оболенский, успевший потихоньку хлебнуть еще раз.

– Дать, – сказала Олечка и застеснялась. Она подумала, что мама была бы недовольна её словами, а нынешняя жена отца, высмеяла бы за нерешительность. Между тем Никита встал и подошел к Рогову, нежно его приобнял. – Очень приятно, что вы к нам пришли. Вообще-то удивительно, откуда вы про нас знаете, но все равно приятно.

– А из интернета я вас знаю, из интернета, – прикрыв тоном глазки заговорил Рогов. – Наткнулся случайно на объявление, что сегодня будет очередное заседание. Вот и подъехал.

Мне, честно говоря, весь этот Рогов не понравился, но дело Каллиопы – молчать. Молчать и курировать эпическую поэзию. То есть заниматься своим делом. Даже тогда, когда Орфей, любимый сын, собрался жениться на этой прохиндейке Эвридике, я ничего не сказала. Хотя видела – девчонка не пара. Не богиня даже, просто какая-то лесная нимфа, по сути – деревенщина. Так и получилось: никакой ответственности! Ну, ладно, выскочила удачно замуж, так сиди дома, детей рожай. Нет, поперлась в лес с подругами хоробыды водить. В результате наступила там на змею. Просто слов никаких не хватает!

– Какие же вопросы вы хотите задать в интервью? И кому? – не унимался Никита.

– Кому – это мы посмотрим, – Рогов проникновенно тоже

его приобнял. – Вы не волнуйтесь, я просто включу диктофон и сяду в сторонке. А вы тут разговаривайте, разговаривайте...

– Вообще-то звучит угрожающе, – вдруг заявила Катя. В её детективах всегда кто-нибудь кому-нибудь угрожал. – Не могли бы вы высказаться поподробнее?

– Естественно могу, – Рогов посмотрел на неё презрительно и стал говорить о том, что он хочет узнать, зачем вообще люди пишут, если до них на все известные темы высказались уже такие фигуры, что не чета всем современным авторам.

Все замолчали и стали смотреть на Рогова с недоумением, как будто он своим вопросом влез в такое что-то интимное, о чем вообще не принято говорить вслух. А я увидела, что при всей своей внешней наглости, Рогов был действительно заинтересован. И еще мне было заметно, что он хочет сделать карьеру. Стать знаменитым, узнаваемым и богатым. Недаром же у него в кумирах ходил тот, кто написал «Тёлки!».

– Каждый пишет о том, – наконец сказала Люся, – что ему близко, во что он верит. Разве кто-то может мне запретить писать о любви, хотя о ней столько уже написано? Да, я пишу о любви, о любви, и о любви.

– А я о предательстве, – вдруг сказал Кусачкин. – Без предательства в жизни никак нельзя. Всегда кто-то оказывается Иудой.

А Катя тут же сказала, глядя на него, что в жизни есть дружба, а кроме предательства есть еще и преданность, и эти

слова однокоренные. Она говорила, а у самой в глазах стояла переписка мужа, которую она вчера случайно увидела в телефоне. «Котенок», «Ласковый», «Мой Мяука»... Какая пошлость! И ведь это не в первый раз. Обнаглел муж. Раньше хоть скрывал своих баб, а теперь будто нарочно телефон на видном месте оставил и пароль снял. Но она ему докажет! Она ему покажет! Есть на свете не такие пошляки, как он. Есть яркие, порядочные люди! Вот, например, ее коллега по семинару.

А в зале все сразу стали говорить о себе. Олечка сказала, что она пишет песенки для радио, а Бор – что стихи для детей и их родителей, Юморист упомянул юмор, а Игорь рассказал о миниатюрах. Про Никиту Рогов выяснил, что тот пишет фантастику и приключения, Полыхайкин, обрета речь, прорычал, что на свете есть множество проблем, гораздо больших для каждого россиянина, чем песенки и цветочки, и только Оболенский ничего не сказал о себе. И, кстати, и Сергей не сказал. Оболенский – потому что после третьего глотка находился в туманных внутренних рассуждениях о том, к чему приведет Мишино исследование, а Сергей улыбался, загадочно и непонятно чему. И только Миша обратился к Рогову без всякого личного интереса и почтения.

– Тоже диссертацию делаешь? – На что тот, пожалуй, впервые за время всего разговора замялся. – Да нет, – неопределенно проговорил он, – просто редакционное задание.

– А-а, – без интереса уже протянул Миша. – А я хочу опытным путем определить есть ли у человека ДАР.

Рогов удивленно приподнял брови. – ДАР? Я об этом вообще не думал. Я лично определяю посыл.

Он не врал. Ему хотелось понять, зависит ли сила желания от возможностей. Чего было больше у того, который написал «Тёлки!» – таланта или воли?

А Миша подумал: логично. Без посылы никакого творчества не бывает.

Олечка, которая теперь не могла разобраться, кто же нравится ей больше уже из троих – Сергей, Миша и теперь еще и Рогов, захлопала в ладоши и закричала:

– Ну, раз у нас такой интересный гость, давайте уже угощаться! Гостей всегда за столом встречают! – И тут же на свет появились одноразовая посуда и несколько бутылок с водкой и вином, и молниеносно развернулась снесь на бумажной скатёрке, и все выглядело так приятно и вкусно, что все вообще уже забыли про санитарный день. А Олечка почему-то вспомнила, что мачеха всегда подкладывает самые вкусные кусочки её отцу, а ей, Олечке, достаются тоже вкусные куски, но не самые лучшие. И она тут же отдала свой аппетитный кусок Люсиного пирога Юмористу. Просто так отдала. Он, конечно, стоял с каким-то совершенно несчастным видом, но дело тут было не в его виде, а в том, что Олечке в этот момент очень захотелось ощутить себя «хорошей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.